

Религіозный смыслъ революціи

1 *).

Выясненіе религіознаго смысла революціи требуетъ точнаго опредѣленія понятія революціи. То, что въ общерѣчи называется революціей, не есть предметъ моего изслѣдованія. Содержаніе, вкладываемое мною въ понятіе революціи, гораздо бѣднѣе того многосмыслія, которое мы называемъ этимъ расплывчатымъ словомъ. Революція, въ общепринятомъ смыслѣ, представляетъ собою очень сложный узелъ цѣлаго ряда историческихъ темъ. Во всякой революціи наряду съ узко или подлинно революціонной темой (къ выясненію и опредѣленію которой и направлены мои усилія) слышны всегда и другія темы: тема сорванной революціей эволюціи, тема вмѣстѣ съ революціей зарождающейся контръ-революціи, тема изъ столкновенія революціи и контръ-революціи вырастающаго пореволюціоннаго сознанія. Моя задача состоитъ въ выдѣленіи изъ сложнаго созвучія всѣхъ этихъ темъ темы революціи, какъ таковой; той главной темы, именемъ которой мы называемъ все созвучіе. Религіозный смыслъ этой главной темы и составляетъ предметъ изслѣдованія данной статьи.

Журнальная статья не научная работа. Я не могу и не хочу углубляться въ методологическіе вопросы. Изслѣдуя революцію, невозможно попутно изслѣдовать и формы моего изслѣдованія. Но все же мнѣ необходимо предпослать своимъ размышленіямъ о революціи нѣсколько общихъ соображеній. Главная трудность, которую нельзя обойти молчаніемъ, сводится къ вопросу и принципамъ выдѣле-

*) Читателямъ, не интересующимся вопросомъ методологій, предлагаю пропустить первую главу настоящей статьи.

нія изъ полноты историческаго матеріала тѣхъ явленій, которыя подлежатъ описанію въ качествѣ революціи. Всякое ли событіе, именуемое себя революціей, есть въ дѣйствительности революціи? И наоборотъ: не обязаны ли мы называть революціями событія, на первый взглядъ весьма отличныя отъ классическихъ происшествій 1789 г.?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ прежде всего отъ тѣхъ научныхъ путей, которыми мы пойдѣмъ къ выясненію природы революціи. Въ исторіовѣдѣніи все еще борются другъ съ другомъ два метода. Методъ индукціи и обобщенія, заимствованный изъ естественныхъ наукъ, и методъ типологическаго описанія, связывающій себя нынѣ съ методами феноменологической философіи. Для этого втораго метода, которымъ я исключительно только и пользовался, совершенно не необходимо сопоставленіе всѣхъ революцій въ цѣляхъ выдѣленія въ понятіе революціи всѣмъ имъ одинаково присущихъ чертъ. Структура революціи вполнѣ выяснима на примѣрѣ всякой классической революціи. Современная методологія съ разныхъ сторонъ углубляетъ нынѣ этотъ новый и единственно правильный, единственно научный путь изученія историческихъ феноменовъ. Одно теченіе исходитъ изъ работъ Макса Вебера, изъ его идеало-типическаго конструктивизма, другое очень интересно разрабатываетъ идею «сингулярной идеирующей абстракціи» Гуссерля, въ цѣляхъ ея примѣненія къ вопросамъ историческаго и социологическаго познанія. Отсылая всѣхъ интересующихся методологическими вопросами къ авторамъ, перечисляемымъ мною въ примѣчаніи, я подчеркиваю въ цѣляхъ избѣженія недоразумѣнной полемики лишь одно: мое понятіе революціи не абстракція а типологическая конструкція*).

Въ отличіе отъ отвлеченнаго понятія, включающаго въ себя черты, присущія всѣмъ охватываемымъ имъ явленіямъ, идеало-типическая конструкція сгущаетъ типическія

*) *Max Weber. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre.*
Hans Oppenheimer. Die Logik der soziologischen Begriffsbildung.

E. Husserl. Logische Unterzuchungen.

Theodor Litt. Individuum und Gemeinschaft.

O. Spann. Gesellschaftslehre.

Л. Карсавинъ. Философія исторіи.

черты изслѣдуемаго явленія до нѣкаго *maximum'a* (въ предѣлѣ), быть можетъ, вообще не встрѣчающагося въ дѣйствительности. Понятіе революціи, добытое методомъ индукціи и обобщенія, есть какъ бы чертежъ всѣхъ революцій. Идеало-типическая же конструкція революціи, напротивъ, — модель всѣхъ революцій, осуществляемая каждой историческою формою единой въ мірѣ революціи въ разной мѣрѣ и степени. Эта, построяемая методомъ типологическаго конструктивизма, модель революціи не есть однако выдумка о революціи, а, наоборотъ, — проникновение въ ея сущностную мысль, углубленіе въ ея первоидею.

Если не бояться всегда опасныхъ, но въ популярномъ изложеніи и всегда неизбѣжныхъ сравненій, то можно сказать, что методъ идеало-типическаго конструктивизма весьма близокъ къ той формѣ познанія, которую въ сферѣ искусства представляетъ собою портретъ. Феноменологическое описаніе предмета есть въ нѣкоторомъ смыслѣ не что иное, какъ научное портретированіе его. Эту связь между историческимъ познаніемъ и художественнымъ созерцаніемъ по своему остро почувствовалъ и методологически закрѣпилъ въ своемъ понятіи «физиономики» Освальдъ Шпенглеръ. То, что онъ въ качествѣ историка-физиономиста описывалъ исключительно только «души культуръ» связано съ сверхнаучными чертами его метафизики, отъ которой его физиономистическій методъ, какъ таковой, вполнѣ отдѣлимъ. Существуютъ ли въ качествѣ метафизическихъ первореальностей души аполлинической, магической и фаустовской культуръ — большой и неразрѣшимый вопросъ, но совершенно не подлежитъ сомнѣнію наличіе въ исторической жизни человѣчества опредѣленныхъ, внутренне закономѣрныхъ структуръ коллективистическаго сознанія. Не будь ихъ — не было бы и вообще никакой исторической жизни человѣчества. Такими структурами являются: нація, классъ, эпоха, война, государство, революція и т. д. Феноменологически описать каждую изъ этихъ структуръ значитъ найти логосъ каждаго изъ перечисленныхъ феноменовъ, т. е. смыслъ каждаго изъ перечисленныхъ явленій *).

*) Методомъ феноменологическаго описанія, методомъ «физиономики» за послѣднее время безсознательно пользовались очень многіе, и часто весьма далекіе другъ отъ друга по своему духу, ученые,

Приступая къ описанію сущностной структуры революціи, я приступаю, такимъ образомъ, къ раскрытію смысла революціи. Какъ будто возможно возраженіе, что такой подходъ не вѣренъ, тенденціозенъ, такъ какъ въ революціи, быть можетъ, вовсе нѣтъ никакого смысла, — по существу невозможно. Поскольку революція не есть только рядъ внѣшнихъ фактовъ, а есть нѣкое внутреннее событіе духа, постольку ея бытіе и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ осмысливаніи, обезсмысливаніи и пересмысливаніи жизни. Революція, такимъ образомъ, можетъ имѣть положительный и отрицательный смыслъ, но она не можетъ не имѣть никакого смысла. Для нея, какъ для событія имманентнаго судьбѣ человечества, неимѣніе никакого смысла было бы равносильно небытію.

Это не значить, конечно, что въ этомъ небытіи растворились бы и исчезли баррикады, убійства и хозяйственный развалъ, это значить лишь то, что все это перестало бы быть событиями исторіи: превратилось бы въ простые, натурально-біологическіе процессы, и только. Возможенъ, конечно, и такой антиисторическій взглядъ на исторію. Возможно причисленіе революціи къ такимъ явленіямъ, какъ землетрясеніе или эпидемія. Спорить съ такимъ «научнымъ» міровоззрѣніемъ бессмысленно, но преодолевать его обязательно для каждаго ученаго, который изъ глубины своего внутренняго опыта знаетъ разницу между духовными событиями, за которыя мы всѣ несемъ нравственную отвѣтственность, и между природными процессами, за которые мы этой отвѣтственности не несемъ.

Итакъ, революція, религіозный смыслъ которой я ищу, есть, во первыхъ, событіе въ духовной жизни, во внутренней судьбѣ человечества; во вторыхъ, она есть нѣкая особая, при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ повторяющаяся форма этой жизненной судьбы: нѣкая типическая форма, или, какъ принято нынѣ говорить, структура, которую можно изучать, какъ всегда одну и ту-же и все-же всегда иную, какъ универсальную и одновременно конкретную, — на иѣломъ рядѣ революцій.

напр. Werner Sombart. «Der Bourgeois», «Die Juden und das Wirtschaftsleben. Gertrud Hermes. «Die Geistige Gestalt des marxistischen Arbeiters». Bernhard Grœthuyzen. «Die Entstehung der buergerlichen Welt - und Lebensanschauung in Frankreich. Сюда же относятся и работы И. И. Бунакова: «Пути Россіи». Въ особенности Московское царство.

Всѣ явленія духа даются намъ не извнѣ, какъ вещи, а изнутри, какъ событія нашей собственной духовной жизни. Изучая структуру революціи, мы не можемъ, такимъ образомъ, изучать ее внѣ той перспективы, которая опредѣляется, во первыхъ, природою духовной жизни каждая изъ насъ, во вторыхъ, тѣмъ фактомъ, что мы только что пережили революцію въ ея большевицкой формѣ, въ третьихъ, тѣмъ, что мы несемъ на себѣ отвѣтственность за эту форму, и т. д., и т. д.

Законъ такого перспективизма совершенно непреложень. Всякое историческое событіе, какъ явленіе духа, доступно всякому изучающему его, только въ опредѣленномъ перспективномъ преломленіи. Всякое феноменологическое описаніе конкретнаго историческаго явленія не можетъ потому не приводить къ портрету. Законъ портрета— законъ двуединаго сходства. Портретъ всегда портретируетъ не только изображаемое лицо, но и лицо изображающее. Категорія портрета есть категорія встрѣчи художника съ его моделью; постигающаго съ предметомъ его постиженія. Съ точки зрѣнія фотографіи, основанной на законахъ природы, на законахъ физики и химіи, — всякій портретъ, конечно, субъективенъ, но съ точки зрѣнія искусства, портретъ гораздо объективнѣе: гораздо глубже постигаетъ и точнѣе передаетъ изображаемое на немъ лицо.

Исторія — (нынѣ это можно считать уже въ достаточной мѣрѣ выясненнымъ) не естественная наука. Структура ея объективности во многихъ отношеніяхъ гораздо ближе къ структурѣ объективности эстетической, чѣмъ естественно-научной. Но отъ этого она не перестаетъ быть научной, а становится только наукой о с о б о й.

Законъ перспективизма, связывающей историческую науку со сферой искусства, связываетъ ее еще и со сферой практически-политическаго дѣланія, т. е. въ послѣднемъ счетѣ, со сферой этического творчества. Такъ какъ революція, въ качествѣ предмета научно-историческаго познанія, дается изслѣдователю не извнѣ (какъ естествовѣдцу — явленія природы), а изнутри, въ глубинѣ собственного опыта, т. к. она каждому изслѣдователю дается въ иной перспективѣ, опредѣляемой и особенностями его собственного духовнаго опыта и часомъ, въ который онъ приступаетъ къ своему изслѣдованію, то ясно, что не только изученіе революціи, но уже и первичный актъ ея обрѣ-

тенія въ качествѣ научнаго предмета не можетъ быть функцией чисто теоретическаго сознанія. Изъ этого положенія часто дѣлается выводъ, что въ сферѣ исторіи невозможна объективная истина. Выводъ этотъ совершенно не вѣренъ, ибо онъ покоится на произвольной предпосылкѣ, будто-бы структура всякой научной истины тождественна структурѣ рациональной, законопослушной естественно-научной неопровержимости. На самомъ же дѣлѣ включеніе историческаго изслѣдованія въ сверхтеоретическое сознаніе ведетъ въ принципъ, во всякомъ случаѣ, вовсе не къ субъективизму, а всего только къ усложненію структуры объективности. Къ субъективизму и произволу ведетъ историка и социолога не неизбежное въ сферѣ историческаго знанія включеніе теоретическаго изслѣдованія въ конкретно-индивидуальную полноту его собственнаго внутренняго опыта, а субъективность самаго этого опыта. Субъективность же эта заключается вовсе не въ недоказуемости его правды (критерій совершенно непримѣнимый въ сферѣ трансраціональнаго внутренняго опыта), а въ его нравственной дефективности: въ его корыстности, шаткости, незрѣчести, неискренности, — однимъ словомъ, въ его духовной ненапряженности и безпредметности.

Еще важнѣе этой связи, которою правильность теоретическаго изслѣдованія связана съ правдою цѣлостнаго духовнаго опыта, та другая связь, которою та-же правильность историческаго изслѣдованія неразрывно связана съ правдою политическаго (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) созиданія будущаго. Всѣ представленія объ историческихъ событіяхъ и явленіяхъ, какъ о какихъ то внѣшнихъ, природообразныхъ процессахъ, послушно укладывающихся въ предметъ ихъ изученія, въ опредѣленные отрѣзы времени, конечно, ложны. Сугубо ложно такое представленіе для насъ, русскихъ, въ отношеніи нашей собственной исторіи и въ особенности въ отношеніи къ русской революціи. Русскую революцію разсматривать какъ внѣшній и, въ извѣстномъ смыслѣ хотя бы, законченный процессъ — невозможно. Для каждаго изъ насъ она есть въ насъ самихъ становящаяся судьба Россіи. Но если такъ, то ясно, что то, чѣмъ была русская революція, опредѣлится, въ концѣ концовъ, тѣмъ, во что она въ будущемъ выльется, или, говоря менѣе фаталистически, тѣмъ, что мы изъ нея въ будущемъ сдѣлаемъ.

Если въ будущей Россіи установится свободный демократическій режимъ — это будетъ значить, что февраль былъ подлинной реальностью; если же побѣдитъ азіатски-косоглазый евразіо-коммунизмъ, — февраль отойдетъ въ исторію въ качествѣ прекраснѣшей мечты русской интеллигенціи. Но то, — побѣдитъ ли въ будущемъ февраль или октябрь, зависитъ, между прочимъ, и отъ вызрѣвающаго нынѣ въ насъ самихъ отношенія какъ къ февралю, такъ и къ октябрю. Предательскимъ лжсанализмомъ февраля легко загубить грядущую свободу русской жизни. Недооцѣнкой октября легко снизить паюость вселенскихъ задачъ Россіи, который въ немъ безспорно прозвучалъ. Каждый актъ постиженія прошлаго есть, такимъ образомъ, актъ построенія или разрушенія будущаго. Въ разрушеніи будущаго — правды быть не можетъ. Это значить, что правильнымъ можетъ быть только то постиженіе прошлаго, которое является путемъ къ постиженію правды будущаго. Если условиться называть всѣхъ живыхъ дѣятелей и подлинныхъ творцовъ грядущаго дѣячеловѣчества политиками, — въ нѣсколько непривычномъ, широкомъ и старомодномъ смыслѣ этого слова, — то все сказанное можно будетъ формулировать и такъ: только политики (не современные политическихъ дѣлъ мастера), т. е. только люди дѣйственно и творчески устремленные къ будущему, могутъ быть настоящими историками. Чистые же ученые, всецѣло обращенные къ прошлому, историками быть не могутъ. Ихъ удѣлъ — оставаться архивщиками-лѣтописцами.

Таковы въ краткихъ чертахъ методологическія предпосылки предлагаемыхъ размышленій.

Пишу я все время о религиозномъ смыслѣ революціи, какъ таковой. Но мой взоръ устремленъ прежде всего на русскую большевицкую революцію.

II.

Итакъ, что такое революція?

Самое общее и безспорное, что можно сказать о революціи, это то, что она представляетъ собою прерывъ. Въ нашу, изо дня въ день себя строящую, себя разрушающую и этимъ двуединымъ актомъ непрерывно, молекулярно, себя продолжающую жизнь, она врывается какъ

нкое вдругъ. Въ ней съ потрясающей силой распадается время.

Этими утвержденіями я отнюдь, конечно, не оспариваю того факта, что революція медленно вырѣзываетъ въ нѣдрахъ той жизни, на которую она мгновенно возстаетъ. И смерть медленно зрѣетъ въ человѣкѣ, зрѣетъ въ бо-лѣзни, въ скорби, въ предчувствіи безсмертія, и все же она приходитъ вдругъ; и все же «цѣль времени» въ ней страшно распадается.

Каковы-же, однако, причины революціоннаго прерыва-жизни и каковъ его смыслъ? Въ своемъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ я исхожу изъ недоказуемаго предположенія (все исходило по существу недоказуемы), что сущность историческаго процесса заключается въ постоянномъ переоформленіи сверхъисторическаго содержанія жизни; что смыслъ человѣческой исторіи заключается въ реализаціи связи между абсолютнымъ и относительнымъ, небеснымъ и земнымъ, Богомъ и человѣкомъ. Безъ утвержденія реальности этой связи процессъ исторіи вообще не можетъ быть осмысленъ. Вопросъ-же о томъ, надлежитъ ли эту связь мыслить въ терминахъ идеалистической философіи (абсолютное, относительное), или въ религіозныхъ терминахъ (Богъ, человѣкъ) не есть вопросъ теоретическаго сознанія. Его разрѣшеніе зависитъ отъ духовнаго возраста разрѣшающей его эпохи. Мнѣ кажется, что въ современности медленно вырѣзываетъ новое углубленіе религіозной жизни. Въ дальнѣйшихъ своихъ построеніяхъ я исхожу изъ идеалистически-метафизической терминологіи. Къ концу статьи метафизическія понятія какъ бы сами вскрываютъ свой подлинный характеръ, характеризуютъ псевдонимовъ Божіихъ. Такъ произвольно раскрывается въ нѣдрахъ идеалистической философіи Имя Божіе.

Формы историческаго переоформленія сверхъисторическаго содержанія жизни весьма разнообразны. Раскрытие абсолютнаго содержанія исторіи происходитъ въ сферѣ науки, конечно, иначе, чѣмъ въ сферѣ искусства; въ религіозной сферѣ иначе, чѣмъ въ экономической, соціальной и политической. Для этой послѣдней (въ которой прежде всего и реализуетъ себя революція), характерно то, что происходящее въ ней переоформленіе сверхъисторическаго содержанія исторіи связано съ появленіемъ на исторической сценѣ новыхъ общественныхъ слоевъ, или, говоря современнымъ языкомъ, пригоднымъ, правда, толь-

ко для новѣйшей западно-европейской исторіи, — классовъ.

Съ появленіемъ этихъ новыхъ классовъ, несущихъ въ себѣ волю къ новымъ формамъ жизни и творчества, между ними и классами-держателями старыхъ формъ культуры естественно завязывается борьба. Механизмъ это́й борьбы есть основная форма социально-политическаго обповленія міра. Борьба эта сама по себѣ еще далеко не революція. Какъ до, такъ и послѣ революціи она обычно протскаеть въ формахъ вполнѣ мирной эволюціи. Эволюція эта можетъ совершаться въ весьма различныхъ темпахъ: она можетъ замедляться и можетъ ускоряться. Взматриваясь въ развитіе исторіи, не трудно, конечно, установить тотъ фактъ, что всякое насильственное замедленіе рвущейся впередъ эволюціи приводитъ къ революціонному взрыву. Отъ этого наблюденія — прямой путь къ пониманію революціи, какъ предѣльно-ускоренной, а потому и болѣзненно протскающей эволюціи.

Какъ ни убѣдительно, на первый взглядъ, такое пониманіе, оно по существу не вѣрно. И не вѣрно потому, что въ мірѣ не было ни одной революціи, которая не была бы и культурнымъ, и социальнымъ, и политическимъ откатомъ назадъ, «заднимъ ходомъ» исторіи.

Революція не есть, такимъ образомъ, болѣзненными явлениями осложненная эволюція, а есть болѣзнь прерывающей эволюціи. Ускореніе же эволюціи свойственно не революціонному, а пореволюціонному періоду. Россія, сумѣвшая на приказъ Петра Великаго «образовываться» отвѣтить «геніальнымъ явленіемъ Пушкина», представляетъ собою, быть можетъ, единственный въ новой исторіи примѣръ предѣльно быстрого развитія страны. Съ головокружительной быстротой культурнаго развитія Россіи связаны, какъ всѣмъ намъ извѣстно, очень тяжелыя «болѣзни роста». И все же болѣзни этой предѣльно ускоренной эволюціи совсѣмъ не похожи на явленія «перманентной» революціи.

Дѣло Петра Великаго и дѣло Ленина, какъ ни модно нынѣ сближеніе обоихъ вождей, все же два весьма разныхъ дѣла. Въ чемъ же разница между предѣльно ускоренной эволюціей и революціей?

Различіе въ томъ, что всякая эволюція держится единствомъ національной культуры, единствомъ національна-

го сознанія; революція же знаменуетъ собою разрывъ этого единства: сначала въ сознаніи революціонеровъ, а затѣмъ уже и въ самомъ бытіи народовъ. Пока классы-держатели старыхъ цѣнностей, классы-хранители старыхъ формъ культуры и восходящіе къ власти новые классы борются другъ съ другомъ лишь за разные формы воплощенія общаго имъ духовнаго содержанія, до тѣхъ пор: революціи, въ точномъ и узкомъ смыслѣ этого слова быть не можетъ. Съ момента же, въ которомъ борьба изъза формы культуры накаляется до того, что раскалывается на-двое единство національнаго сознанія — революціи уже налично, иногда задолго до баррикадъ и казней.

Православные мужики, апеллирующіе поджогами усадебъ къ справедливости царя противъ засилья помѣщиковъ, вмѣстѣ съ ними, мужиками, вѣрующими въ Бога и царя, — бунтари, но не революціонеры. Рабочій же марксистъ, разстрѣливающий изъ пулемета икону, какъ символъ ненавистной богопомазанности царей-преступниковъ — революціонеръ, а не бунтарь.

Что это такъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что всѣ большія революціи во главѣ съ французской и русской начинались съ революционныхъ поджоговъ господствующаго міросозерцанія. Страстная борьба міросозерцаній была въ Европѣ провозглашена Возрожденіемъ и Реформаціей. Корни всѣхъ прометеевскихъ «утопій» уходятъ въ фактъ распада средневѣковой религиозной «топики» *). Этимъ же фактомъ объясняется и то, почему явленіе революціи столь характерно прежде всего для послѣднихъ столѣтій европейской истории и почему всѣ революціи на востокѣ связаны съ привнесеніемъ въ жизнь восточныхъ народовъ европейскаго міросозерцанія **).

Разложеніе національнаго сознанія начинается всегда среди правящихъ классовъ, среди представителей старыхъ культурныхъ формъ и традицій. Начинается оно всюду одинаково: съ обездушенія господствующихъ культурныхъ цѣнностей путемъ превращенія ихъ въ факторы власти и даже насилія надъ восходящими къ жизни новымъ

*) Ср. Gustav Landauer «Die Revolution», у котораго заимствуется терминологическую противоположность — «топика — утопія».

***) Признаніе распада единства національнаго сознанія за конструктивную категорію революціи встрѣчается между прочимъ въ очертаніи отвѣченной, но существенной книгѣ Geiger'a «Die Masse und ihre Aktion».

ми народными слоями, новыми классами. Не въ субъективно-психологическомъ, конечно, но въ объективно-историческомъ смыслѣ, застрѣльщиками революціи являются не столько революціонные вожди, сколько тѣ власть имущіе представители старыхъ формъ жизни, что первые производятъ девальвацию довѣренныхъ имъ культурныхъ цѣнностей путемъ прагматически-утилитарнаго отношенія къ нимъ. Народная революція, въ сущности, никогда не взрываетъ подлинныхъ твердынь господствующей культуры. Она лишь по бревнышкамъ да кирпичикамъ разноситъ и прахомъ развѣваетъ обездушенный остовъ уже мертвой жизни.

Лишь тогда, когда правящіе слои царской Россіи превратили иновѣруемую ими религиозно-національную истину въ идеологическій заслонъ противъ народныхъ требованій, т. е. обездушили ее, возсталъ русскій народъ на царя и на Бога во славу Маркса и интернаціонала.

Оставляя на время въ сторонѣ проблему распада національнаго сознанія, къ которой намъ придется еще вернуться, я перехожу къ выясненію второго основнаго признака революціи.

Та революція, сущность которой я пытаюсь вскрыть, т. е. революція, какъ хаотически-кровавый прерывъ эволюціи, представляетъ собою прежде всего рядъ разрушительныхъ актовъ. Начинается это разрушеніе съ критики существующаго строя. Критика превращается въ отрицаніе, отрицаніе переходитъ въ разрушеніе. Но изъ того, что революція есть разрушеніе*), не слѣдуетъ, конечно, того, что всякое разрушеніе есть уже революція. Если бы дѣло обстоило такъ просто, то всякій организованный

*) Опредѣляя революцію какъ разрушеніе, я отнюдь не обвиняю всѣхъ дѣятелей русскаго освободительнаго движенія въ томъ, что они только и дѣлали, что стремились къ разрушенію. Такое обвиненіе было бы и не логично и не справедливо. Большинство русскихъ революціонеровъ стремилось, конечно, не къ революціи (въ моемъ смыслѣ), а всего только къ предѣльному ускоренію эволюціи. Долги отвѣтственности за срывъ этой ускоренной эволюціи (носившей имя революціи) въ то голое и все-же творческое разрушеніе, которое я называю революціей, на русскихъ революціонеровъ, быть можетъ, и падаетъ; но было бы верхомъ несправедливости не видѣть въ дѣлѣ русскаго освободительнаго движенія рѣшительно ничего, кромѣ его частичной неудачи. Очень прошу при чтеніи моей статьи имѣть въ виду нѣкоторую необычность моей терминологіи.

разбой соціально - неустроенныхъ налетчиковъ долженъ былъ бы разсматриваться, какъ революція. Ясно, что такое уравненіе разбоя и революціи феноменологически слѣпо. Ясно, что революція такъ же не есть грандіозный разбой, какъ она не есть и ускоренная эволюція. Но если такъ, то въ чемъ же разница между разрушительной стихіей разбоя и разрушительной стихіей революціи, въ которой, какъ то не разъ указывалось, «криминальныя массы» всегда играли далеко не послѣднюю роль?

Разница въ томъ, что всѣ разрушительные акты революціи являются разрушительными актами лишь въ субъективномъ сознаниіи революціонеровъ, въ объективномъ же духѣ, какъ сказалъ бы гегельянецъ, они являются актами созидательными. Лишь объективное утвержденіе Истины, на путяхъ субъективнаго отрицанія всѣхъ истинъ, превращаетъ всѣ эти пути въ единый, подлинный революціонный путь. Разрушеніе, производимое революціей, потому только и есть революціонное разрушеніе, что оно вовсе не есть только разрушеніе, а естѣственно черезъ разрушеніе осуществляющее себѣ творчество.

Я знаю -- возможно возраженіе, что я ломлюсь въ открытую дверь. И дѣйствительно, гдѣ въ мірѣ революція, стремившаяся только къ разрушенію, гдѣ въ мірѣ революція, не создавшая ничего положительнаго? Какъ никакъ, французская революція осуществила въ томъ или иномъ видѣ, съ тѣмъ или инымъ усѣченіемъ провозглашенные ею принципы: свободы, равенства и братства. «Земля народу» русской революціей тоже передана. И если ему еще не дана свобода, то свобода отъ помѣщиковъ ему все же уже и теперь дана. Дано и чувство своегопривилегированнаго положенія. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что съ теченіемъ времени придетъ и «свобода», ибо безъ «свободы» нельзя удержать и «земли». Безъ свободы ее можно превратить только въ кладбище. Народъ-рабъ въ условіяхъ европейской жизни XX-го вѣка можетъ быть только нищимъ.

Все это вѣрно, все это я отнюдь не оспариваю, но и совсѣмъ о другомъ говорю. «Свобода, равенство и братство», «Земля и воля», «международная солидарность трудящихся» и т. д., и т. д. — все это смыслы весьма глубокіе, но все это вовсе не смыслы революціи, какъ таковой. Уже по одному тому не могутъ они разсматриваться, какъ

смыслы специфически-революционные, что зарождаются они въ отдѣльныхъ сердцахъ, задолго до первыхъ вспышекъ революціи, осуществляются въ позднѣйшіе дни мирныхъ пореволюціонныхъ эпохъ. Революціи же, какъ таковыя, этихъ цѣнностей не только не осуществляютъ, но, наоборотъ, съ какимъ то изступленіемъ и восторгомъ втаптываютъ ихъ въ кровь и грязь.

Тема эволюционирующей къ «свободѣ, равенству и братству» (беру эти слова символически) жизни проходить, конечно, и сквозь революцію, но только какъ ярко освѣщенный поѣздъ сквозь темные, мозглые и гулкіе своды туннеля. Допустимъ даже, что революціи ускоряютъ процессы эволюціи (въ значительной степени это, конечно, оптический обманъ: и вылетающій на замедленномъ ходу изъ туннеля поѣздъ тоже кажется несущимся со страшной силой) — вопроса о смыслѣ революціи, какъ таковой, это допущеніе не только не разрѣшаетъ, но даже и не ставитъ. Изъ того, что осмысленно ускореніе эволюціи, отнюдь вѣдь не слѣдуетъ, что осмысленно ея ускореніе черезъ всѣ ужасы и разрушенія революціи. На вопросъ о смыслѣ революціи нельзя отвѣчать указаніемъ на порождаемая ею, въ концѣ концовъ, цѣнности. Не всякими путями можно итти даже къ весьма положительнымъ результатамъ. Ставя вопросъ о смыслѣ революціи, я спрашиваю такимъ образомъ вовсе не о томъ, какими результатами можно оправдать революціонное разрушеніе, а какую правду несетъ это разрушеніе въ себѣ самомъ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ результатовъ? Лишь этотъ вопросъ есть интересующій меня вопросъ о смыслѣ революціи. Я утверждаю, что если въ самомъ актѣ революціи не вскрываемъ никакой положительный смыслъ, то оправданіе революціи вообще невозможно.

III.

Если вся предлагаемая постановка вопроса представляется нѣсколько необычной, то происходитъ это, думается, потому, что вопросы о смыслѣ революціи слишкомъ легко и естественно связываются въ нашемъ сознаніи со смысловымъ содержаніемъ революціонныхъ идеологій, съ ученіями революціонныхъ вождей. Ученія же эти всѣ говорятъ не о разрушеніи и тьмѣ, а о созиданіи и свѣ-

тѣ, о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, о разумѣ, счастьѣ и благѣ. Конечно, проповѣдуется и разрушеніе, но всегда какъ навязанная враждебными силами тактика, а не какъ своя верховная цѣль.

Тутъ вскрывается роковая діалектика между революціонными теоріями, ученіями, идеологіями и между идеей революціи, какъ таковой. Если идея революціи состоитъ въ разрушеніи, то ясно, что революціонныя идеологіи не могутъ не проповѣдывать созиданіе: проповѣдью разрушенія ничего не разрушишь. Разрушить до конца можно только утопической мечтой о невозможномъ творчествѣ.

Изъ всѣхъ крупныхъ революціонеровъ только Бакунинъ раскрывалъ въ своей революціонной идеологіи подлинную идею революціи. Въ его боязни организациі, въ его откровенномъ и всеохватывающемъ сокрушительствѣ, въ его призывахъ довѣриться творческому духу разрушенія, — явно слышится живое дыханіе революціонной идеи. Думается, что какъ разъ этою схожестью его революціонной идеологіи съ подлиннымъ ликомъ революціи и объясняется то, почему онъ сыгралъ въ исторіи относительно очень незначительную роль, почему подлиннымъ разрушителемъ оказался не онъ, а строитель и организаторъ Марксъ.

Вся острота революціоннаго безумія связана съ тѣмъ, что въ революціонныя эпохи сходитъ съ ума самъ разумъ; и вся глубина революціонной разрухи съ тѣмъ, что всѣ революціи стремятся къ высшей гармоніи. Безъ учитыванія этой діалектической связи между идеей революціи и революціонной идеологіей выясненіе сущности революціи вообще невозможно. Но для того, чтобы въ окончательныхъ терминахъ опредѣлить эту сущность, мнѣ необходимо болѣе отчетливо вскрыть разницу между идеей и идеологіей *).

То, что я называю идеологіей — ясно. Необходимо, быть можетъ, только отмѣтить, что въ моемъ пониманіи идеологіи вполнѣ отсутствуетъ та нота заподозриванія ея въ какой бы то ни было неподлинности, которая часто звучитъ у марксистовъ, сближающихъ идеологію съ фразеологіей (сближеніе это легко объясняется теоріей «эконо-

*) Ср. мои «Мысли о Россіи» въ № 35 «Совр. Зап.», гдѣ я уже касался этого различія.

мического» базиса и идеологической надстройки). Подъ идеологіей я понимаю всякую теорію, всякое построение теоретическаго сознанія, и только. Нѣчто совсѣмъ другое представляетъ собою идея. Въ отличіе отъ идеологіи она не есть построение теоретическаго сознанія, а структура нашего безсознательнаго переживанія. Не вся его случайно индивидуальная полнота, а всего только его сущностная первооснова. Цѣлый рядъ весьма различныхъ людей могутъ, каждый по своему, переживать одну и ту-же идею. Захватывая самыя разнообразныя психологическія территоріи и даже какъ бы примѣняясь къ ихъ различіямъ, идея всегда остается одной и той же, всегда вѣрной себѣ. Тайна ея жизни въ томъ, что она универсальна и конкретна одновременно. Съ каждымъ говорить на его языкѣ, но всегда говорить о своемъ. Безконечно разнообразны русскіе люди, но если при всемъ своемъ разнообразіи они всѣ все-таки русскіе, то только потому, что во всѣхъ нихъ живетъ сама себѣ тождественная идея Россіи.

Каково же должно быть взаимоотношеніе идеи и идеологіи? Какъ всюду и во всемъ, правда тутъ мыслима только одна, формы же ея нарушенія неизмыслимы, неисчислимы. Правда въ томъ, что можно назвать органической связью идеологіи и идеи. Правы и нужны въ жизни только тѣ идеологіи, которыми органически зацвѣтають идеи, т. е. тѣ, которыя представляютъ собою точныя теоретическія описанія духовно-реальныхъ процессовъ. Вредны же и лживы тѣ, что рѣютъ въ воздухъ, за которыми не стоитъ никакой духовной реальности, которыя порождаются комбинирующими энергіями отвлеченнаго сознанія, которыя возгораются не отъ вѣчнаго пламени священнаго очага жизни, а отъ случайно попадающихъ въ мозгъ искръ и отсвѣтовъ чужихъ идеологій.

Эти, реальными переживаніями не оплаченныя, заносныя, верхоходныя идеологіи представляютъ собою громадную опасность для соціальной жизни. Они создаютъ идеологическія эпидеміи, псевдодуховныя повѣтрія, идеологическія моды, они расшатываютъ устои жизни и разьѣдаютъ ткань.

Обстоятельства, наиболѣе благопріятствующія расхищенію жизненной субстанціи беспочвенными идеологіями, бываютъ двоякаго рода. Лжеидеологіи особенно легко размножаются или въ періодъ зарожденія идей, или въ

періодъ ихъ умиранія; представляютъ собою или результатъ нетерпѣливаго желанія какъ можно скорѣе, хотя бы чужими, заимствованными словами высказать только еще созрѣвающія въ душѣ идеи-реальности; или попытку словесной защиты уже умершихъ идей. Но самое главное, что характерно для всѣхъ беспочвенныхъ неорганическихъ идеологій, или короче — лжеидеологій, это ихъ взаимная враждебность, ихъ абсолютная непримиримость. Этою непримиримостью, этимъ отсутствіемъ всякой почвы для примиренія они отличаются отъ тѣхъ органическихъ идеологій, которымъ такая почва дана въ лицѣ тѣхъ живыхъ идей, на которыхъ они расцвѣтаютъ, которыя собою знаменуютъ, которыя творчески въ себѣ осознаютъ.

Для выясненія моей мысли и подтвержденія ея правильности я позволяю себѣ привести слѣдующій примѣръ. Возьмемъ двухъ монархистовъ и двухъ социалистовъ. Съ одной стороны — прямого, старозавѣтнаго монархиста помѣщика и вышедшаго изъ народа социалиста кооператора (оба люди почвы), съ другой — разночинца профессора, пришедшаго къ исповѣданію монархическаго принципа путемъ тщательнаго изслѣдованія творческой немощи демократіи, и профессионала революціонера: агитатора и газетчика. Поставимъ ихъ въ условія, ну, хотя бы современной пореволюціонной Германіи, и спросимъ себя, какой паръ легче сговорится — помѣщику съ кооператоромъ, или профессору съ газетчикомъ? Я думаю, что двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Старый монархистъ Гинденбургъ принялъ наслѣдство убѣжденнаго социаль-демократа Эберта, не измѣнивъ почти ни въ чемъ социаль-но-политическаго курса республики.

Это могло случиться только потому, что оба были людьми почвенной идеи, а не фанатиками лжеидеологій. Какъ человѣкъ, органически связанный съ монархической идеей, Гинденбургъ не могъ не чувствовать черноты наступившихъ для нея дней; не могъ не понять, что отстаивать монархическую форму правленія въ условіяхъ, какъ бы нарочно созданныхъ для опозоренія ея — значить не столько служить монархической идеѣ, сколько измѣнять ей. Серьезность его скорби о смертномъ часѣ монархіи сдѣлала изъ него, конечно, не республиканца, но вѣрнаго служителя республики.

Аналогично можетъ быть стилизована и психологія того социалиста, какимъ былъ Эбертъ. Будь онъ беспоч-

веннымъ идеологомъ, онъ долженъ былъ бы ориентироваться на отвлеченныя догмы социализма, но въ качествѣ челоуѣка жизненнаго, дыханіемъ и кровью связаннаго съ дѣломъ и вѣрой трудового народа, онъ легко и естественно пошелъ по пути сращенія социалистической идеи со всѣми еще живыми, и потому способными ее поддержать, силами прошлаго. Онъ не сталъ ни католикомъ, ни буржуазнымъ демократомъ, но нашелъ общій языкъ съ католиками и съ демократами.

Я ни въ какой мѣрѣ и степени не настаиваю на правильности моей интерпретаціи фигуръ Гинденбурга и Эберта, какъ и всей политической ситуаціи пореволюціонной Германіи. Я вполне допускаю, что моя интерпретація очень своевольная стилизація, но дѣло вѣдь не въ Германіи, а въ выясненіи на приведенномъ примѣрѣ (я нарочно взялъ примѣръ не изъ русской жизни, дабы не осложнить философской проблемы всегда острымъ для насъ политическимъ споромъ) важной для меня мысли, что всѣ беспочвенныя идеологіи тяготеютъ къ взаимному отталкиванію, почвенныя же къ взаимному притяжанію. И это вполне ясно, ибо принципъ конкретной жизни - синтезъ; а принципъ отвлеченнаго разума — анализъ. Изъ этого слѣдуетъ, что пока въ политической жизни господствуютъ идеи, а тѣмъ самымъ лишь почвенныя, подлиннымъ переживаніемъ насыщенные идеологіи, до тѣхъ поръ шансы на эволюцію еще не утеряны. Съ момента же отрыва идеологій отъ соответствующихъ имъ идей срывъ эволюціонныхъ процессовъ въ революцію становится неизбежнымъ.

IV.

Въ своей научно очень не солидной, но публицистически очень страстной Соціологіи революціи *) Питиримъ Сорокинъ, собравъ большой матеріалъ, безусловно доказалъ, не требовавшую доказательствъ, истину, что всѣ революціи роковымъ образомъ описываютъ одинъ и тотъ же порочный кругъ: разрушаютъ въ процесѣ своего развитія тѣ принципы, во имя которыхъ начинаютъ свой путь.

*) *Pitirim Sorokin*. «Die Soziologie der Revolution». J. F. Lehmanns Verlag, München. 1928.

Съ точки зрѣнія данной мною выше характеристики революціи, это явленіе отнюдь не парадоксально. Скорѣе наоборотъ: — въ разрушеніи революціонной идеологіи безусловно заключается одна изъ центральныхъ темъ революціи.

Революція рождается всегда изъ реакціи. Революція есть результатъ запоздавшей эволюціи. Но что такое реакція? Не думаю, чтобы кто нибудь сталъ оснаивать формулу: реакція есть инерція упорнаго отстаиванія мертвыхъ идей. Чѣмъ быстрѣе распадаются въ предреволюціонныя эпохи старыя идеи, тѣмъ пышнѣе расцвѣтають реакціонныя идеологіи. Расцвѣтъ позавчерашнихъ идеологій есть вѣрный признакъ начавшейся агоніи вчерашнихъ идей. Этимъ и объясняется ихъ бредовой, горячечный характеръ. Если обезсилѣвшія правительства прибѣгаютъ къ войнѣ, или къ инымъ средствамъ агрессивной внѣшней политики, то они это почти всегда дѣлають въ расчетъ на то, что внѣшнія событія какъ то гальванизируютъ умирающую въ народѣ идеологию. Ошибка этого расчета очевидна (се прекрасно вскрылъ 1905 г.). Оживить отживающую идеологию не можетъ ничто вторгающееся въ жизнь не какъ роковой моментъ въ становленіи идей, а какъ порожденіе все той же, подлежащей оживленію мертвой идеологіи. Потому попытки гальванизации идеологій всегда лишь обличаютъ ихъ окончательную мертвость.

Какъ это ни странно, но эта трагедія всѣхъ реакціонныхъ идеологій есть одновременно и трагедія идеологій революціонныхъ. Если всѣ революціонныя идеологіи падаютъ въ концѣ концовъ подъ колеса ими же пущенной въ ходъ революціонной машины, то это объясняется, въ первую очередь, конечно, зависимостью радикально-революціонныхъ идеологій отъ идеологій реакціонныхъ. Моментъ сходства и зависимости: — оторванность отъ органической почвы, отъ творческой идеи.

Послѣдняя сущность всѣхъ революціонныхъ идеологій — въ ихъ метафизическомъ малодушіи, въ ихъ недовѣріи къ органическому вызрѣванію идей. Новая идея только еще зарождается въ объятіяхъ старой, умирающей. Новая идеология, какъ точная формула вызрѣвающей идеи — еще не дана. Ситуація требуетъ величайшей осторожности, напряженнаго всматриванія въ брезжущіе контуры намѣчающагося міра. Но революціонная

энергія рвется впередъ: вымогаетъ у еще нѣмой идеи краснорѣчивую идеологию; выдумкою убиваетъ мысль. Уточненіе мысли на почвѣ углубленнаго постиженія идеи — невозможно. Остается одно — строить революціонную идеологию въ качествѣ — реакціи-наоборотъ. По этому рецепту и строилось всегда всякое революціонное якобинство *) (беру и этотъ терминъ символически).

Фактъ этого страннаго сходства реакціонной и революціонной идеологій порождаетъ характернѣйшее явленіе предреволюціонныхъ эпохъ. Явленіе культурно-политической инфляціи. Идей нѣтъ; во всякомъ случаѣ, онѣ настолько на убыли, что не господствуютъ въ общественно-политической жизни. Остатки расхищенныхъ реальностей жизни въ полномъ подчиненіи и отвлеченныхъ построений. И на правомъ и на лѣвомъ флангахъ господствуютъ, никакимъ золотымъ фондомъ, идейно-подлинныхъ переживаній не обезпеченныя, бумажныя идеологіи. Встрѣча между ними невозможна, ибо встрѣча, какъ было показано, возможна только между идеями. Остается только одно: — борьба. Борьба не на животь, а на смерть. Самое же страшное, что эта борьба на смерть есть борьба между двумя мертвецами; между идеологіей, случайно не похороненной вмѣстѣ со своей идеей, и идеологіей, насильственно вырванной изъ чрева своей идеи.

Возстаніе жизни противъ этого господства смерти и есть революція. Въ бурѣ и хаосѣ возстаетъ идея жизни противъ всѣхъ идеологическихъ насилій надъ ней. Какъ революціонной бессмыслицѣ, такъ и революціонной выдумкѣ готовить она страшный конецъ въ братской могилѣ.

Проблема этой общей могилы представляется мнѣ основной проблемой революціи. Революція, какъ таковая, въ отличіе отъ сопряженной съ ней ускоренной эволюціи, ни въ какой мѣрѣ и степени не оказываетъ никакихъ предпочтеній новому передъ старымъ. На почвѣ страстнаго увлеченія послѣднимъ словомъ послѣдней утопіи, въ ней съ внезапною силою вздымаются и самые древніе и самые

*) Ср. «Мысли о Россіи» въ № 35 «Совр. Зап.», я пытался въ нихъ показать, въ какомъ смыслѣ социалистическая идеологія можетъ рассматриваться, какъ транскрипція капиталистической идеи.

темные инстинкты человѣка. Она представляет собою внезапное оголѣніе бытія, взрывъ всѣхъ смысловъ жизни, погромъ культуры. Но одновременно она представляет собою и обновленіе залгавшейся въ своемъ развитіи исторіи. Въ ея кровавомъ хаосѣ, но и въ ея праведномъ гнѣвѣ вѣчный въ человѣческой жизни «первый день творенія» звучитъ какъ «страшный судъ» надъ послѣднимъ историческимъ днемъ.

V.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ выясненію религіознаго смысла революціи, мнѣ хотѣлось бы коснуться еще одного вопроса. А именно — вопроса о силахъ, которыя осуществляютъ ту революцію, образъ которой я пытался начертать выше.

Главную силою революціи всегда считалась масса. Это положеніе вѣрно, но вѣрно только при условіи правильнаго пониманія массы. Проблема массы безконечно сложна, и въ мою задачу не входитъ не только ея разрѣшеніе, но даже и ея обстоятельная постановка. Для меня важно подчеркнуть лишь одну мысль. Соціологическое понятіе массы не есть понятіе большого числа. Тысячеголовый конгрессъ ученыхъ — не масса. Многотысячная толпа новобранцевъ — тоже. Но если масса не опредѣляется большимъ количествомъ головъ, то не опредѣляется она и состояніемъ мысли и чувствъ въ этихъ головахъ.

Допустимъ, что всякій человѣкъ, отдающій себя массѣ — неизбежно превращается въ какое-то стадное существо; что масса — это утрата индивидуальнаго лица, пониженіе сознанія, провалъ въ безсознательность, пробужденіе звѣрскихъ инстинктовъ, круговая безответственность, эпидемія преступности и т. д., и т. д. — развѣ изъ этого слѣдуетъ, что любое скопище людей, охваченныхъ описанными чувствами, есть уже масса? Отнюдь нѣтъ. Какъ далеко не всякій разбой представляет собою революціонный разгромъ (хотя въ революціонномъ разгромѣ и наличествуютъ всегда элементы разбоя) такъ же и не всякая, охваченная стадными чувствами, толпа — есть уже революціонная масса (хотя въ революціонной массѣ и чувствуется всегда стадность). Охотнорядскіе молодцы, громившіе студентовъ, никогда не были отрядами массы (въ

соціологическомъ смыслѣ этого слова), а всегда были, да и назывались, бандами. Но если такъ, то въ чемъ же отличіе массы отъ банды? Какая толпа представляетъ собою массу, какая — банду?

Думаю, что легче и проще всего подойду къ отвѣту на этотъ вопросъ, если пойду путемъ предупрежденія, само собою напрашивающихся ошибокъ. Прежде всего необходимо, конечно, протестовать противъ распространеннаго въ лѣвыхъ кругахъ представленія, что «красная» банда — всегда масса, а «черная» масса — всегда банда. Ясно на слухъ, что снабженные мандатами большевицкіе налетчики, грабящіе въ 1920 году ту же деревню, которая въ 1918 году обезпечила побѣду пролетаріата — злостные бандиты, и только. Ясно и то, что если въ будущемъ крестьяне двинутся на красную Москву, то это будетъ движеніе крестьянскихъ массъ, а не деревенскихъ бандъ.

Итакъ, разница массы и банды никоимъ образомъ не связана съ тѣмъ міросозерцаніемъ, во имя котораго массы творять свое разрушеніе. Какъ массы, такъ и банды бываютъ, какъ правыми, такъ и лѣвыми.

Но если различіе между массой и бандой не сводимо къ различію идеологій, то не сводимо оно и къ различію психологій. Было бы величайшей ошибкой мыслить себѣ революціонныя массы крестьянъ, идущихъ жечь барскія усадьбы, совершенно непохожими по своему внутреннему облику и по своимъ переживаніямъ на охотнорядскихъ молодцовъ, громающихъ студентовъ и «жидовъ». Психологія обѣихъ толпъ врядъ-ли очень различна. Конечно, мнѣ могутъ указать на то, что крестьянскія толпы, жгущія барскія усадьбы, вовсе не революціонныя массы, и что бастовавшіе въ 1905 году рабочіе были и по напряженности своей воли, и по уровню своего политическаго развитія совершенно не сравнимы съ охотнорядскими громилами. Я не стану оспаривать эту разницу, но скажу, что организованно проводящіе забастовку организованные рабочіе — не рабочія массы, въ соціологически точномъ смыслѣ этого слова. Массою организованные рабочіе становятся лишь съ того мгновенія, какъ они выходятъ на баррикады, разрушаютъ машины или убиваютъ директоровъ и собственниковъ. Творя все это, они психологически въ значительной степени, конечно, уподобляются и крестьянамъ-революціонерамъ и охотнорядскимъ молодцамъ.

Я очень хорошо понимаю, что можно оспаривать мою терминологию, что можно и организованный пролетариатъ называть пролетарскою массою, и потому на обязательности своей терминологіи не настаиваю. Важно вѣдь не то, какъ называть вещи, а то, чтобы ихъ правильно видѣть; зорко и существенно другъ отъ друга отличать. Отличіе массы и банды не связано, какъ мы видѣли, ни съ какими идеологическими моментами, не связано оно также и съ моментами психологическими, и все же оно на-лицо. Въ чемъ же дѣло?

Думаю, дѣло въ объективно различномъ смыслѣ того разрушенія, что творится массами, и того, совсѣмъ иного, что творится бандами.

Разрушеніе, творимое массами, и, прежде всего, интересующими насъ революціонными массами, всегда таитъ въ себѣ какія-то созидательныя энергіи; своимъ остриемъ оно направлено противъ дѣйствительнаго зла и потому оно, часто само того не зная, исполняетъ нѣкую исторически необходимую функцію. Разрушеніе же, творимое бандами, лишено этой внутренней діалектики; для него характерна не чуткость къ волѣ исторіи, но глухота по отношенію къ ея требованіямъ, невозможность хотя бы только утробнаго уразумѣнія ея логики.

Всякій бандитизмъ, потому, всегда анархиченъ и субъективенъ. Массовые же акты въ послѣднемъ счетѣ, въ исторической перспективѣ — объективны и безкорыстны, несмотря на часто совершенно безпредметную идеологию вождей и злостную корысть толпы.

Лишь при такомъ пониманіи массы защитимо положеніе, что революціи творятся прежде всего массами.

Возрастъ міра и развертывающаяся на нашихъ глазахъ социальная тема новой исторіи таковы, что массовые акты не могутъ не свершаться, главнымъ образомъ, пролетариатомъ. Массовыя переживанія — нынѣ прежде всего удѣлъ пролетарскихъ толпъ. Положеніе это въ общемъ конечно, вѣрно, но требуетъ очень тщательнаго уточненія. На пути этого уточненія мы встрѣчаемся прежде всего съ повтореніемъ той же проблематики, что нами была уже продумана въ связи съ понятіемъ революціи. Какъ «свобода, равенство и братство» не могутъ утверждаться въ качествѣ специфически-революціонныхъ темъ, ибо представляютъ собою основную тему социально-политической

эволюціи послѣдняго столѣтія, такъ и пролетаріатъ не можетъ считаться главнымъ субъектомъ революціонныхъ прерывовъ эволюціи, ибо онъ является безсмѣннымъ субъектомъ эволюціоннаго становленія соціально-политической справедливости.

Изъ этого отнюдь, конечно, не слѣдуетъ, чтобы пролетаріатъ не имѣлъ никакого особаго отношенія къ революціи. Конечно, имъ то она (какъ только что мною и было признано) прежде всего и творится, но для этого творчества характерно то, что оно развертывается не столько силами самого пролетаріата, сколько вовсе не пролетарскими силами, дѣйствующими отъ имени пролетаріата и во имя его. Эти не пролетарскія, да и вообще, съ классовою точки зрѣнія, неопредѣлимыя, въ гораздо болѣе глубокихъ психологическихъ пластахъ таящіяся силы, связываютъ себя, конечно, съ дѣломъ пролетаріата (дѣйствуютъ его именемъ), но вызываютъ въ самомъ пролетаріатѣ вовсе не специфически пролетарскія, а общечеловѣческія энергіи. Подлиннымъ субъектомъ революціи является, такимъ образомъ, не классъ, какъ мы увидимъ, а нѣкій особыи духъ, духъ нетерпѣнія, духъ отчаянія, духъ преступленія, духъ утопізма и фантастики. Въ связи съ опредѣленной исторической обстановкой, духъ этотъ какъ бы нисходитъ на опредѣленную соціальную базу. Въ случаѣ его нисхожденія на ту соціальную базу, на которой ведется прогрессивная соціально-политическая работа, направленная противъ лжи и грѣха прошлаго, разрушительное дѣло его пріобрѣтаетъ то положительное значеніе массоваго акта, о которомъ только что шла рѣчь.

VI.

Раскрытіе структуры революціоннаго духа — задача очень сложная. Мнѣ хотѣлось бы лишь указать на тѣ три его момента, съ которыми связаны три ясно отличныхъ другъ отъ друга революціонныхъ слоя.

Первый слой — тотъ, который условно можно назвать біологической революціей. Онъ развертывается энергіей молодежи.

Второй слой — тотъ, что уже давно названъ криминальной революціей. Онъ развертывается преступными

элементами, играющими во всѣхъ революціяхъ весьма существенную роль.

Третій слой — представляющійся мнѣ особо важнымъ и выступающій съ особою силой и отчетливостью какъ разъ въ русской революціи, есть слой революціи фантастической и оборотнической, творимый особыми демоническими силами.

Всѣ эти три момента или слоя связаны каждый совсѣмъ особою, своею связью съ сущностью того творческаго взрыва всѣхъ смысловъ, который я именую революціей.

Что въ революціи главная роль должна принадлежать молодежи, объ этомъ писалъ еще Ткачевъ. О томъ же писалъ Булгаковъ въ «Вѣхахъ» (Педократія); но главное это то, что о громадной роли, сыгранной студенческой молодежью въ развитіи русской революціи, свидѣлствуютъ факты исторіи. И это вполне понятно. Паѣось юности есть по существу паѣось освобожденія отъ авторитетовъ, паѣось борьбы съ господствующимъ мнѣніемъ текущаго дня (даже традиціоналистически настроенная молодежь любить портреты предковъ, а не отцовъ). Молодежи всегда свойственно мужество разрушенія: у нея много времени впереди и она убѣждена, что успѣетъ построиться. Ей свойственна вѣра въ реальность невидимаго: она естественно живетъ взысканіемъ и чаяніемъ. Она не боится никакихъ событий и въ любыхъ событіяхъ ощущаетъ, прежде всего, ростъ бытія, что ее веселитъ и радуетъ. Она вноситъ въ революціонную борьбу идеализмъ и жертвенность, но также и духъ утопической мечтательности и духъ безотвѣтственнаго прожектерства. Сочетаніемъ этихъ качествъ она и творитъ дѣло революціи, дѣло кровавой переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.

Помогаетъ ей въ этомъ ея постоянный спутникъ, очень типичный для революціонныхъ эпохъ и н ф а н т е л и з м ѣ. Кто не помнитъ той трагической роли, которую въ русскую революцію играли невозмужавшіе мужи и убоявшіеся прослыть стариками папаши. Всѣ эти вѣрные завѣтамъ и принципамъ молодежи революціонеры-интеллигенты и подлаживавшіеся къ нимъ сѣдые полковники и солидные дѣльцы. Кто не помнитъ, какъ въ февралѣ помолодѣла Россія. Какъ отошли на задній планъ: забота, тревога, печаль, чувство смерти и мѣры — всѣ добродѣтели зрѣлости. Брюжжаніе было — старческое, злобное, но зрѣлости не было. «Шумѣлъ, гудѣлъ зеленый шумъ».

Въ революціи развертывался ея первый, біологическій слой.

Преступники, въ юридическомъ смыслѣ этого слова, которыхъ революція освобождаетъ изъ тюрьмы и мѣсть предварительнаго заключенія, дѣлятся, какъ извѣстно, на двѣ категоріи: на уголовныхъ и политическихъ. Среди обѣихъ категорій надо отличать подлинныхъ преступниковъ отъ тѣхъ, которые на народномъ языкѣ (Достоевскій) называются несчастными.

Среди уголовныхъ «несчастные» тѣ, что своими невольными проступками лишь защищаютъ себя отъ тѣхъ преступлений, которыя творить надъ ними общество; которые крадутъ съ голоду и убиваютъ отъ отчаянія.

Преступники же среди уголовныхъ тѣ, которые кражей добываютъ себѣ хлѣбъ и на убійствахъ строятъ свое благополучіе, профессионалы преступлений, для которыхъ не пріятно попасться, но не тяжело грѣшить.

Такая же разница существуетъ и между политическими. Она не менѣ очевидна для нравственнаго взора, хотя и менѣ привычна для ума.

Несчастливыми среди политическихъ «преступниковъ» являются тѣ, подчасъ почти святые люди, которые не осилили счастливой жизни, видя муку, скорбь и обреченность своихъ ближнихъ, которые отъ дѣйственной любви къ страждущему человѣчеству пошли на подвигъ революціонной борьбы, какъ на подвигъ духовнаго служенія.

Преступнымъ же элементомъ, въ самомъ точномъ и отвѣтственномъ смыслѣ этого слова, являются, въ сущности, весьма равнодушные къ реальному страданію своихъ ближнихъ профессионалы революціоннаго мастерства, самолюбивые спортсмены террористической борьбы, самозванные устроители народнаго счастья; однимъ словомъ, всѣ тѣ заносчивые хирурги соціально-политическаго дѣла, для которыхъ страсть къ операціямъ — все, а любовь къ пациенту — ничто.

Отношеніе перечисленныхъ элементовъ къ криминальной темѣ революціи весьма различно.

Несчастливые, среди уголовныхъ, влекутся къ революціи потому, что мечтаютъ наконецъ то обрѣсти доступъ къ обществу, въ качествѣ его честныхъ и равноправныхъ членовъ. Подлинные преступники среди уголовныхъ тяготеютъ къ ней, какъ къ мутной водѣ, въ которой какъ нельзя лучше удить рыбу. Свѣтлые человѣколюбцы сре-

ди политическихъ питають темную стихію революціи, во первыхъ, опаснѣйшей теоріей, будто-бы преступниковъ вообще нѣтъ, ибо всѣ преступники только «несчастненькіе». А, во вторыхъ, еще тѣмъ, что возвращаются въ жизнь изъ тюремъ, ссылокъ и подполья безъ всякихъ навыковъ практическаго строительства. Практики дальняго прицѣла, мастера стрѣльбы по невидимой цѣли, они естественно теряются въ рукопашной схваткѣ съ реальною жизнью.

Зато прекрасно, хотя на свой ладъ, справляются съ нею преступные элементы среди политическихъ. Путь, на которомъ они организуютъ свою побѣду — нѣмой сговоръ съ уголовными. Усвоеніе уголовными преступниками революціонной идеологіи и апелляція идеологовъ революціи къ энергіи уголовныхъ элементовъ — всегда знаменуетъ восходъ революціи въ свой zenithъ. Изъ этой встрѣчи рождается maximum разрушительной энергіи.

Конечно, все это построение весьма схематично. Но его схематичность связана прежде всего съ краткостью изложенія. На путяхъ его расширенія и уплотненія можно было бы притти къ очень точному описанію того, какъ изъ позитивистически-гуманитарной этики революціонныхъ идеологій, отрицающихъ грѣховный корень человѣческой жизни, изъ этической небрезгливости Нечаевыхъ и Лениныхъ, считающихъ, что ничего не должно и все позволено, и изъ той (патронируемой духомъ социальнаго утопизма) жадности до жизни и счастья, которая лежитъ въ основѣ уголовщины, вырастаетъ страшное явленіе криминальной революціи.

Гораздо болѣе сложенъ по своей структурѣ третій, фантастическій слой революціи, творимый особыми демониическими энергіями человѣческой души.

Гораздо большее количество людей, чѣмъ то въ будень день видно, живетъ съ какою то особою, не побоюсь сказать, метафизическою печалью и тяжестью на сердцѣ. Корень этого, въ основѣ своей благороднаго недуга, таится въ тоскѣ по сорвавшейся жизни, въ ощущеніи роковой непохожести своего внутренняго лица на лицо своей судьбы*). Живетъ человѣкъ въ своей судьбѣ, какъ въ

*) Въ русской душѣ эта метафизическая тоска много острѣе, чѣмъ въ современной европейской (были въ Европѣ и тругія времена) и это обстоятельство очень много объясняется въ русской рево-

тюрьмѣ, и все мучается мечтой -- вырваться наружу, дойти до своей настоящей, большой, Богомъ обѣщанной жизни, или же развернуться на весь міръ всѣми своими не дожившими до жизни душами, всѣми своими неизжитыми жадностями, всей своей тоской и срамотой.

Революція, смѣщающая всѣ соціальныя перегородки, отмѣняющая всѣ метрономическія выстукиванія обыденности, открываетъ этой тоскѣ, и прежде всего н и з и н а м ъ э т о й тоски, всѣ двери настезь.

Со дна сотенъ и тысячъ душъ одновременно срываются и взвиваются неизжитыя мечты, неосуществленные желанія, загнанныя въ подполье страсти. Начинается реализація всѣхъ несбыточностей жизни, отреченіе отъ реальностей, погоня за химерами. Всѣ начинаютъ жить ультра-фіолетовыми лучами своего жизненнаго спектра. Мечты о прекрасной дамѣ разрушаютъ семьи, прекрасныя дамы оказываются проститутками, проститутки становятся уѣздными комиссаршами. Передошвы переходятъ изъ среднеучебныхъ заведеній въ чеху. Садистическіе «щипки и единицы» превращаются въ террористическіе акты. Развертывается страшный революціонный маскарадъ. Журналисты становятся красными генералами, поэтессы — военморами, священники — конферансье въ революціонныхъ кабаре.

Въ этой демонической игрѣ, въ этомъ страшномъ революціонно-метафизическомъ актерствѣ разлагается лицо человѣка; въ смрадѣ этого разложенія начинаютъ кружиться невѣроятныя, несовѣтимыя личины. Съ этой стихіей связано неудержимое влеченіе революціонныхъ толпъ къ праздникамъ и зрѣлищамъ, какъ и вся своеобразная театрализація революціонныхъ эпохъ. Ею же объясняется и смѣсь жестокости и сентиментальности, которая такъ характерна для второсортныхъ революціонныхъ героевъ.

люціи, объясняетъ прежде всего то, почему въ Россіи событія развернулись въ настоящую революцію, а въ Германіи, напримѣръ, нѣтъ. Метафизическая тоска отнюдь не чужда германскому гению, но германскій гений очень чуждъ тому рядовому нѣмцу, который свергалъ Вильгельма. Въ Россіи же, наоборотъ, — гений народа еще не успѣлъ укрыться отъ народа въ тихія кельи уединенныхъ душъ. Въ Россіи гений народа еще народенъ. Метафизической тоской въ Россіи еще болѣютъ самые простые люди, о чемъ свидѣтельствуетъ вся русская литература. Отсюда и стремительный летъ и душный смрадъ нашей революціи.

Какъ часто въ революціи насилывали знатныхъ женщинъ, сжигали библіотеки и дворцы съ искренними слезами на глазахъ отъ злобы на свое темное неумѣніе иначе пріобщиться къ красотамъ міра и святынямъ жизни.

Съ описанной сущностью революціоннаго духа, съ господствомъ духа молодости, преступности и демонической фантастики, связанъ такъ называемый диллетантизмъ революціоннаго творчества. Я говорю «такъ называемый» диллетантизмъ, ибо столь характерное для революціоннаго прерыва эволюціи неумѣніе взяться за положительное дѣловое творчество является въ отношеніи къ специфически революціоннымъ задачамъ вовсе не диллетантизмомъ, а, наоборотъ, профессионализмомъ. Такъ называемый диллетантизмъ первыхъ большевицкихъ декретовъ русскаго революціи отнюдь не разрушалась, а, наоборотъ, осуществлялась. Разрушалась имъ не революціа, а жизнь. Но разрушеніе всѣхъ ставшихъ формъ жизни и есть осуществленіе революціи.

VII.

Я знаю (къ сожалѣнію, знаю), что моя концепція революціи по существу, какъ мнѣ кажется, самоочевидная и лишь внѣшне, быть можетъ, нѣсколько неожиданная и парадоксальная, будетъ воспринята многими отдавшими свою жизнь дѣлу освобожденія Россіи, какъ злостная насмѣшка надъ дорогими имъ воспоминаніями, какъ философская экспроприація дорогихъ имъ смысловъ жизни. Защитить себя отъ такихъ обвиненій мнѣ трудно: психологическіе навыки гораздо сильнѣе отвлеченной логики. Но все же, быть можетъ, будетъ нелишнимъ еще разъ подчеркнуть, что изображенная мною революціа есть нѣчто принципиально иное, чѣмъ то, къ чему въ общемъ и нѣломъ стремилось русское освободительное движеніе. Въ немъ участвовали весьма разные элементы: очень разные люди и очень разные душевные пласты въ однихъ и тѣхъ же людяхъ. Все же его основною темою было, конечно, не желаніе революціи, а жажда правды, справедливости и свободы. На революцію они шли какъ на неизбѣжную операцію; въ свѣтлыя минуты, конечно, съ надеждою, что правительство сдастся, что дѣло обойдется безъ крови и разрушенія. Тѣ, кто

такъ чувствовалъ, кто свое нравственное право на участіе въ революціи инстинктивно связывалъ съ надеждою, что имъ не придется воспользоваться, отвѣтственности за дѣланіе описанной мною революціи ни въ какой мѣрѣ и степени, конечно, не несуть.

Но кромѣ темы свободы и правды звучала, конечно, въ русскомъ освободительномъ движеніи жажда революціи, какъ таковой. О, конечно, революціи, ради... свободы и правды... Но свобода и правда приложатся. О нихъ сейчасъ нечего думать. Сейчасъ вся воля въ одну точку: въ свѣтлую точку праведной революціи...

Люди, такъ чувствовавшіе и такія чувства въ людяхъ въ общемъ чувствовавшихъ иначе, отвѣтственны за проанализированную мною революцію, конечно, уже гораздо болѣе. Все же и они отвѣтственны лишь за то, что революція случилась. Дѣлать — въ прямомъ и точномъ смыслѣ этого слова — и они ея, конечно, не дѣлали. Кто же дѣлалъ ее, — никто? Да, въ сущности никто. Никто ея не дѣлалъ, но она со всѣми нами случилась. Духъ разрушенія осилилъ наше творчество, потому что наше творчество не было въ достаточной степени духовно напряжено. Вина на разныхъ ъслояхъ и на разныхъ людяхъ предреволюціонной эпохи разная, — но отвѣтственность у всѣхъ одна *).

*) Дабы избѣжать всякихъ недоразумѣній, подчеркиваю, что изъ моего опредѣленія революціи, какъ разрушенія, какъ распада единства національнаго сознанія, какъ взрыва всѣхъ смысловъ и т. д., отнюдь не слѣдуетъ принципіальнаго отрицанія революціи, какъ метода политической борьбы. Какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни бываютъ минуты, когда ничего не остается, кромѣ пути грѣха, когда взятіе на душу грѣха становится нравственно обязательнымъ. Мое отношеніе къ революціи (какъ и къ войнѣ) остается, такимъ образомъ, двойственнымъ. Да, желать революцію — грѣхъ и безуміе, итти для нея можно только моля Бога, чтобы она не случилась. Но когда она неизбѣжна, итти на нее нравственно обязательно, какъ на грѣхъ, который искушить ничѣмъ нельзя, но который Богъ можетъ простить. Тѣ же мысли, только не въ религіозно, но въ нравственно-политическомъ разрѣзѣ высказывалъ недавно въ «Дняхъ» А. Ф. Керенскій. Ему много возражали, но всѣ возраженія были основаны на недоразумѣніи. Двойственное отношеніе къ революціи — элементарный фактъ нравственнаго сознанія, объясняющійся тѣмъ, что исторія человѣчества — трагедія, а не идиллія.

VIII.

Итакъ, корень революціи въ распадѣ единства національнаго сознанія, въ обезсиленіи національнаго творчества. Ея путь — путь срыва эволюціи въ бездну разрушенія и небытія. Революціонный срывъ исторіи не любой и не случайный срывъ, а всегда срывъ центральной темы исторіи на психологической территоріи по праву восходящаго къ жизни и власти новаго соціальнаго сознанія. Отрицательная, уже учтенная въ моемъ описаніи, правда этого срыва — обнаруженіе лжи и безсилія предреволюціонной эпохи. Спрашивается, — есть ли въ революціи еще и иной, положительный смыслъ?

Единственная форма внѣшней неудачи, которая таитъ въ себѣ высоко-положительный смыслъ — есть форма трагедіи. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что трагедія (беру этотъ терминъ въ метафизическомъ, а не только эстетическомъ смыслѣ) есть высшая, быть можетъ, единственная форма абсолютной удачи. Абсолютность удачи трагической жизни заключается въ томъ, что въ ней осмысливается не только жизнь, но и смерть. Смыслъ, вскрываемый трагедіей въ смерти и разрушеніи, — Богъ: — Божій ликъ, Божій судъ.

Доказать наличіе религіознаго смысла въ революціонномъ взрывѣ всѣхъ смысловъ, конечно, нельзя. Но подвести себя и всѣхъ людей, свободныхъ отъ атеистическихъ предразсудковъ къ пониманію революціи, какъ подлинной трагедіи, все же можно. Можно прежде всего потому, что и сами отрицатели религіознаго содержанія исторіи не разъ наталкивались на отрицаемый ими въ исторіи религіозный смыслъ. Всѣ историки и соціологи, занимавшіеся революціями, постоянно отмѣчали, что въ революціонные періоды неизмѣнно наблюдается ростъ религіозныхъ настроеній. Особенно упорно на этомъ настаивали всегда марксисты, какъ всѣ догматики, весьма чуткіе къ вопросамъ вѣры и міросозерцанія. И сейчасъ большевики, какъ извѣстно, очень озабочены ростомъ религіозныхъ настроеній въ Россіи и успѣхомъ своей борьбы на религіозномъ фронтѣ.

Связь революціи съ религіей можно, такимъ образомъ, считать установленной; она безспорна даже и для антире-

лигіознаго, такъ называсяго «научнаго» сознанія. Ошибка этого сознанія только въ томъ, что оно не знаетъ, вѣрнѣе, не признаетъ никакихъ религіозныхъ реальностей и съ абсолютною логическою безотвѣтственностью зачисляетъ ихъ въ религіозныя, а часто и просто реакціонныя настроенія; при чемъ трактуетъ эти настроенія, какъ попытки обрѣсти житейское утѣшеніе, укрытіе въ фантазіяхъ и выдумкахъ и т. д., и т. д.

Противъ такого подхода необходимо протестовать, и прежде всего не во имя религіи, а во имя логики, т. е. во имя науки.

Всякая наука обязана исходить изъ данностей и начинать съ наивозможно точнаго описанія факта. Недостатка въ людяхъ, утверждающихъ, что они на своемъ опытѣ пережили, а потому въ лицо знаютъ громадную разницу между религіознымъ настроеніемъ и исполненностью души подлинною религіозною реальностью,—не ощущается. Исходя изъ этого факта, наука обязана, прежде всего, заняться тщательнымъ описаніемъ этихъ двухъ структуръ. Не можетъ быть сомнѣнія, что пойдя этимъ путемъ, она быстро выяснитъ себѣ разницу между людьми, знающими всего только религіозныя настроенія (настроенія протекаютъ въ планѣ душевномъ), и подлинно Богоисполненными душами (душами, живущими въ планѣ духовномъ). Для уясненія себѣ разницы между духовными переживаниями и А. Блока (человѣка очень сильныхъ и подлинныхъ религіозныхъ настроеній) и житіемъ Серафима Саровскаго — вовсе не надо быть религіознымъ человѣкомъ; достаточно только быть безпристрастнымъ ученымъ: вдумчивымъ психологомъ, зоркимъ феноменологомъ. Изслѣдуя эту разницу, каждый ученый неизбежно придетъ къ заключенію, что она не только количественная, но и качественная, что говорить о религіозныхъ настроеніяхъ Блока естественно, а о религіозныхъ настроеніяхъ Серафима Саровскаго невозможно. Что слово «настроеніе» къ Саровскому отшетьнику не примѣнимо, не адекватно тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь. Изслѣдуя далѣе природу духовной жизни и религіознаго сознанія Серафима Саровскаго, каждый объективный и пытливый ученый неизбежно натолкнется на фактъ наличія въ ней моментовъ существенно инопородныхъ тому кругу опыта, который онъ самъ, какъ не религіозный человѣкъ, знаетъ и несетъ въ себѣ. При опредѣленіи суц-

ности этой инопородности опять таки нельзя будетъ пройти мимо утверждѣнія всѣхъ праведниковъ и молитвенниковъ, что религіозная жизнь заключается не только въ человѣческой жизни о Богѣ, но и въ Божіей жизни о человѣкѣ. Отрицать возможность такого факта только на томъ основаніи, что онъ научному сознанию самого изслѣдователя не данъ — не логично. Заниматься же предметомъ во внутреннемъ, а тѣмъ самымъ вообще ни въ какомъ опытѣ не даннымъ — невозможно. Такимъ образомъ, атеистическому, но подлинно критическому научному сознанию остается лишь одинъ исходъ: сознательный отказъ отъ изслѣдованія религіознаго предмета.

Но изъ того, что религіозный предметъ не по плечу атеистическ и научному сознанию, никакъ не слѣдуетъ, что онъ вообще не есть возможный предметъ научнаго изслѣдованія. (Такой выводъ былъ бы равносильнъ утверждѣнію, что проблема колорита французскаго импрессионизма не имѣетъ никакого отношенія къ эстетикѣ, потому что люди, страдающіе дальтонизмомъ не отличаютъ синяго цвѣта отъ зеленаго). Для ученаго, видящаго наличіе трансцендентныхъ силъ въ исторіи такъ же ясно, какъ наличіе законовъ абсолютной логики въ сферѣ всегда относительныхъ человѣческихъ сужденій,—этотъ предметъ не можетъ быть чѣмъ то абсолютно чуждымъ научному познанию. Нельзя, зная, видя, чувствуя, что въ революціи свершается гнѣвное вторженіе абсолютнаго въ историческую жизнь, изслѣдовать революцію такъ, какъ будто бы это совершенно не извѣстно. Не можетъ же доподлинное знаніе быть враждебнымъ наукѣ. Считать враждебность познанию за конститутивную категорію научности есть чудовищный парадоксъ, объясняющійся, конечно, не требованіями научной объективности, а стремленіемъ воинствующаго атеизма превратить науку въ главную цитательскую борьбу съ Богомъ. Защита религіозной реальности въ качествѣ научнаго предмета отнюдь не превращаетъ, однако, науку въ Богослуженіе. Утвержденіе наличія религіознаго смысла въ трагедіи революціоннаго взрыва научнаго изученія революціи никоимъ образомъ не отрицаетъ. Напротивъ, лишь оно указываетъ этому изученію его подлинный предметъ, а тѣмъ самымъ и единственный правильный методъ.

Таковы тѣ чисто логическія соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, съ неизбѣжностью приводятъ каждыя

непредвзятаго челоуѣка къ тому мѣсту, съ котораго раскрывается возможность духовнаго узрѣнія религіознаго смысла революціи.

Къ тому же мѣсту приводятъ и другія, этическія размышленія.

Если не искать смысла революціи въ вѣчности и не итти на объявленіе ея полной безсмыслицы, то остается лишь одно: — искать его (смысла) во времени, т. е. въ тѣхъ результатахъ, которые раскрываются въ творчествѣ пореволюціонныхъ эпохъ. Такое осмысливаніе революціоннаго срыва эволюціи кажется мнѣ, по крайней мѣрѣ съ этической точки зрѣнія, весьма проблематичнымъ, дабы не сказать неприемлемымъ. Революціонныя событія — ихъ изступленіе, ихъ восторгъ, ихъ грѣхъ и смрадъ — настолько велики (какъ, на примѣръ, и событія войны), настолько необычайны, настолько несоизмѣримы по своему удѣльному вѣсу со всѣмъ, что свершается изо дня въ день, что превращеніе ихъ всего только въ рычагъ, завѣдующій перемѣщеніемъ соціально-политическихъ силъ, представляется на мой, по крайней мѣрѣ, нравственный слухъ, просто кощунственнымъ. Къ этому общему соображенію-ощущенію присоединяется еще и другое. Всякое осмысливаніе революціи черезъ раскрытіе ея благихъ (не будемъ ради упрощенія вопроса оспаривать этой, все-таки проблематичной благости) результатовъ — несетъ свой смыслъ не всѣмъ ея борцамъ и жертвамъ, а всего только побѣдителямъ. Но какъ преступна мысль, что осмысленная для Антанты война кончилась для насъ, русскихъ, а также и нѣмцевъ, полной безсмыслицей, потому что для русскихъ она кончилась Брестомъ, а для нѣмцевъ Версалемъ, такъ же преступно и утвержденіе, что революція въ будущемъ осмыслится для демократовъ и соціалистовъ (исхожу изъ предположенія демократическо-соціалистическаго строя пореволюціонной Россіи) и навѣкъ останется только безсмыслицей для всѣхъ погибшихъ въ ней монархистовъ и бѣлогвардейцевъ. На такую жестокую экспроприацію священныхъ смысловъ тѣхъ нравственныхъ страданій и героическихъ подвиговъ, которые совершались не только французами, но и нѣмцами и русскими, не только героями революціонной борьбы, но и героями бѣлой арміи, никто не имѣетъ никакого права. Если у революціи есть смыслъ, то онъ долженъ быть

смысломъ общимъ, смысломъ для всѣхъ, смысломъ, явственно возвышающимся надъ всѣми партійными осмысленіями ея.

Такимъ смысломъ можетъ быть только религіозный смыслъ. Узрѣніе религіознаго смысла революціи тождественно узрѣнію грѣха безрелигіозной жизни и безрелигіознаго творчества. Всякій грѣхъ — такова природа нравственнаго сознанія — можетъ быть осознанъ только какъ свой собственный грѣхъ. Только черезъ узрѣніе своего собственнаго грѣха отдѣльными людьми, группами, партіями, сословіями, классами, т. е. только черезъ какое то общенаціональное покаяніе возможно существенное пореволюціонное творчество.

Причина революціи — въ распадѣ національнаго сознанія. Изъ этого слѣдуетъ, что путемъ къ ея преодоленію долженъ быть путь національнаго единенія.

Причина распада національнаго сознанія — въ отрицаніи абсолютнаго, т. е. религіознаго значенія культурныхъ цѣнностей и благъ. Изъ этого слѣдуетъ, что путемъ его восстановленія можетъ быть только возвращеніе всѣмъ областямъ культуры ихъ вѣчнаго религіознаго значенія.

Федоръ Степунъ.